СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН

MUSULMON MAMLAKATLARI TASHQI SIYOSATINI SIYOSIY TAHLIL QILISHNING O'ZIGA XOS XUSUSIYATLARI

THE SPECIFICS OF THE POLITICAL ANALYSIS OF THE FOREIGN POLICY OF MUSLIM COUNTRIES

Guzal QODIROVA,
PhD student
Tashkent State University of Oriental studies
e-mail:guzal.kadirova.1986 @mail.ru
25, Shahrisabz,Tashkent,100060, Uzbekistan.

DOI: 10.47980/TLOI/2020/3/3

Аннотация: Статья посвящена особенностям внешней политики мусульманских государств, где исламский фактор играет важную роль в жизни общества. Известно, что религиозный фактор проявляется по-разному, в зависимости от исторического наследия, культуры и особенностей социально-политического развития страны. Вместе с тем, он оказывает значительное влияние на внешнюю политику всех мусульманских государств. Так, исламский фактор присутствует как в государственной внешнеполитической стратегии, так и в форме идеологии, продвигаемой негосударственными субъектами.

В государственной политике мусульманских стран, в основном, преобладает идея продвижения именно «своей» местной формы ислама. Его «мягкая сила» после Арабской весны стала неотъемлемой частью новой геополитики, и в еще большей степени, чем в прошлом, мусульманские страны пытаются формировать и продвигать свой образ «умеренной» версии ислама и придерживаться его в своей внешней политике.

Автор исследует такие негосударственные акторы, как например, организацию «Братья-мусульмане» или Исламское государство (ИГИЛ), которые подвергают критике существующие режимы мусульманских государств, ставя под сомнение их легитимность. Тем самым бросает вызов существующим режимам не только в традиционном смысле власти, но также с точки зрения религиозной законности. Любые претензии подобного плана воспринимаются правительствами как экзистенциальная угроза, так же как и любые альтернативные трактовки ислама, продвигаемые на региональном или международном уровне другими государствами.

В статье анализируется эскалация вооруженных противостояний и конфликтов, распространение которых на сопредельные страны показывает, что процесс геополитической трансформации пока далек от завершения, а новый баланс сил в регионе пока не определен.

Ключевые слова: *мусульманские страны, исламский мир, исламский фактор, религиозные организации, «Братья-мусульмане», ХАМАС, панисламизм, концепция «жесткой» и «мягкой силы», «умная сила», гибридная война, Иран, Египет, "арабская весна", внешнеполитический процесс.*

Аннотация: Maqola islom omili jamiyatda muhim rol o'ynaydigan musulmon davlatlarining tashqi siyosatining o'ziga xos xususiyatlariga bag'ishlangan. Ma'lumki, diniy omil mamlakatning tarixiy merosi, madaniyati va ijtimoiy-siyosiy rivojlanishining xususiyatlariga bog'liq holda har xil ko'rinishda namoyon bo'ladi. Shu bilan birga, u barcha musulmon davlatlarning tashqi siyosatiga sezilarli ta'sir ko'rsatadi. Shunday qilib, Islom omili davlat tashqi siyosati strategiyasida ham, nodavlat ishtirokchilari ilgari surgan mafkura shaklida ham mavjud.

Musulmon mamlakatlarining davlat siyosatida asosan islomning "o'z" mahalliy shaklini targ'ib qilish g'oyasi ustunlik qiladi. Arab Bahoridan keyin uning "yumshoq kuchi" yangi geosiyosatning ajralmas qismiga aylandi va hattoki bundan ham ko'proq, musulmon mamlakatlari o'zlarining Islomning "mo''tadil" versiyasini yaratishga va targ'ib qilishga harakat qilmoqdalar va tashqi siyosatida unga rioya qilmoqdalar.

Muallif, masalan, Musulmon Birodarlar Tashkiloti yoki Islomiy Davlat (ISIS) kabi nodavlat subyektlarni o'rganadi, ular musulmon davlatlarining mavjud rejimlarini tanqid qilib, ularning qonuniyligiga shubha tug'diradi. Shunday qilib, mavjud hokimiyatlarni nafaqat an'anaviy hokimiyat ma'nosida, balki diniy qonuniylik nuqtai nazaridan ham qiyinlashtirmoqda. Bu kabi har qanday da'volar hukumatlar tomonidan mavjud bo'lgan tahdid sifatida qabul qilinadi va boshqa davlatlar tomonidan mintaqaviy yoki xalqaro darajada targ'ib qilingan Islomning har qanday alternativ talqinlaridir.

Maqolada qurolli qarama-qarshiliklar va mojarolarning kuchayishi tahlil qilinmoqda, ularning qo'shni davlatlarga tarqalishi geosiyosiy transformatsiya jarayoni tugaganini va mintaqadagi kuchlarning yangi muvozanati hali aniqlanmaganligini ko'rsatmoqda.

Kalit so'zlar: *Musulmon mamlakatlari, Islom dunyosi, Islom omili, diniy tashkilotlar, "Musulmon Birodarlar", Xamas, Pan-Islomiylik, «qattiq» va «yumshoq kuch» tushunchasi, «aqlli kuch», gibrid urush, Eron, Misr, "Arab bahori", tashqi siyosiy jarayon*

Abstract: The article is devoted to the peculiarities of the foreign policy of Muslim states, where the Islamic factor plays an important role in society. It is known that the religious factor manifests itself in different ways, depending on the historical heritage, culture and characteristics of the socio-political development of the country. At the same time, it has a significant impact on the foreign policy of all Muslim states. So, the Islamic factor is present both in the state foreign policy strategy and in the form of ideology promoted by non-state actors.

In the state policy of Muslim countries, mainly the idea of promoting precisely "their" local form of Islam prevails. Its "soft power" after the Arab Spring has become an integral part of the new geopolitics, and even more than in the past, Muslim countries are trying to form and promote their image of a "moderate" version of Islam and adhere to it in their foreign policy.

The author explores such non-state actors as, for example, the Muslim Brotherhood organization and the Islamic State (ISIS), which criticizes the existing regimes of Muslim states, casting doubt on their legitimacy. Thus, challenging existing regimes, not only in the traditional sense of power, but also in terms of religious legitimacy. Any claim of this kind is perceived by governments as an existential threat, as well as any alternative interpretations of Islam promoted at the regional or international level by other states.

The article analyzes the escalation of armed confrontations and conflicts, the spread of which to neighboring countries shows that the process of geopolitical transformation is far from over, and a new balance of forces in the region has not yet been determined.

Key words: *Muslim countries, Islamic world, Islamic factor, religious organizations, "Muslim Brothers", Hamas, pan-Islamism, the concept of "hard" and "soft power", "smart power", hybrid war, Iran, Egypt, "Arabic spring", foreign policy process.*

ВВЕДЕНИЕ

Термин мусульманские страны обычно подразумевает государства, в которых большинство населения составляют последователи ислама. По информации американского центра Pew Research Center, в настоящее время насчитывается 50 таких государств. Согласно данным The World Atlas, мусульмане составляют большинство населения в 45 государствах мира (Muslim Majority Countries, 2020). Авторы Энциклопедии Британника насчитывают от 30 до 40 таких государств (Islamic World. Encyclopedia Britannica. 2020.).

В более широком смысле к мусульманским странам можно отнести и другие государства, которые по тем или иным причинам могли бы быть включены в этот список. Например, одним из критериев может быть принадлежность к странам-членам Организации Исламского сотрудничества (ОИС). Согласно Уставу ОИС, для вступления в эту организацию необходимо, чтобы государство, являющееся членом Организации Объединенных Наций, имеющее мусульманское большинство и соблюдающее Устав ОИС, подало заявку на членство, которая затем должна быть одобрена консенсусом Совета министров иностранных дел «на основе согласованных критериев» (Charter of the Organization of Islamic Cooperation. 2020). В настоящее время членами ОИС являются 57 государств.

В данном, более широком, контексте термин мусульманские государства сближается с понятием исламский мир. Российский эксперт, специалист по исламскому праву, Л.Сюкияйнен отмечает уместность использования терминов «исламский» и «мусульманский» как синонимов, имея в виду и исламский мир, и мусульманские страны (Syukiyaynen L. 2006).

В то же время, как представляется, в контексте нашего исследования целесообразно понимать под мусульманскими странами только те государства, в которых мусульмане составляют большинство населения. Тем самым, мусульманские страны служат в качестве основы исламского мира, который обладает рядом специфических черт, позволяющих говорить о целой цивилизации.

Несмотря на отсутствие единства по поводу содержания понятия цивилизация применительно к исламскому миру (Syukiyaynen L. 2006), сам термин в основном закрепился в научном мире, причем его используют как на Западе (The emergent Islamic civilization. 2020). , так и в мусульманских странах (Bassiouni Ch. 2020).

Исламская цивилизация подразумевает наличие особого подхода к пониманию мира, который кроется в религии. Востоковеды В. Наумкин и А. Кузнецов отмечают, что по трем параметрам, которые они обозначили как ключевые, – культурно-политическая традиция, образ, формируемый Западом, самоидентификация мусульманских общин, проживающих в странах Европы и Америки, - исламский мир полностью соответствует понятию цивилизации (Naumkin V., Kuznecov A. 2013).

Спецификой исламского мира является тезис о том, что разделить религиозное и нерелигиозное практически невозможно, и это говорит в том числе о связи ислама и политики. Другими словами, «ислам – важнейший элемент индивидуального, общественного поведения, образа жизни мусульманского мира, мусульманских стран. Можно сказать, что состояние мусульманского мира в значительной степени зависит от того, в каком состоянии находится ислам, и наоборот, каков сейчас ислам, таков в значительной степени и мусульманский мир» (Syukiyaynen L. 2006).

Влияние исламского фактора представляет собой отличительную особенность политических процессов мусульманских стран. При помощи религии мусульманские страны идентифицируют себя в своем регионе и мире. При этом проявление влияния ислама неравномерно, и зависит от исторического прошлого, политической системы и политического курса руководства той или иной страны.

МЕТОДЫ

Условно, исходя из цели нашего исследования, можно разделить мусульманские страны на те, в которых законодательно закреплена роль

определяющая роль ислама; группу государств, в которых, как правило, с переменным успехом, происходит борьба между светскими и религиозными силами; светские политические системы, в которых законодательно запрещено участие религиозных партий или движений в политических процессах.

К первой группе относятся Саудовская Аравия и другие монархии Персидского залива, Исламская Республика Иран, Исламская Республика Пакистан, Исламская Республика Афганистан и некоторые другие государства. Ислам в них является одним из базовых детерминант внутриполитических процессов и внешней политики. Для таких государств, как Саудовская Аравия или Пакистан, ислам стал фактором объединения и обоснованием существования страны. Для Ирана ислам занял центральное место в политике страны после Исламской революции 1979 года. В Афганистане исламизация резко усилилась после ввода в страну советских войск и угрозы распространения атеистической идеологии.

Эти страны придают особое значение отношениям с другими государствами исламского мира, а исламская солидарность может выступать основанием для принятия тех или иных внешнеполитических решений. Наиболее явными примерами могут служить арабо-израильский конфликт или развитие сотрудничества и оказание помощи, исходя из принадлежности государства к исламскому миру. Без учета роли ислама крайне затруднительно, если не невозможно, объективно оценивать политику этих государств. Принцип «исламской солидарности» служит обоснованием поддержки исламистских движений по всему миру, а также причиной отправки миротворческих миссий в составе ООН.

Еще одну группу мусульманских стран составляют государства, в которых с переменным успехом происходит борьба между религиозными партиями и в большей или меньшей степени светскими партиями и властными структурами. От того, какие силы берут вверх в этой внутриполитической борьбе, напрямую зависит внешнеполитический курс. К числу таких стран можно отнести Египет, Турцию и многие другие государства исламского мира.

Так, в Египте революция 2011 года привела к власти президента - давнего сторонника организации «Братьев-мусульман», долгое время преследовавшейся в стране как экстремистская группировка. После умеренного курса Х. Мубарака внешняя политика его преемника, М. Мурси, носила ясный отпечаток исламистской идеологии.

После революции 2011 года официальные органы государственной власти, в том числе Министерство иностранных дел Египта, стали заменять советники из числа «Братьев-мусульман», которые больше действовали в интересах организации, а не государства. Особенно значительно снизилась роль МИД в принятии внешнеполитических решений, и внешняя политика сконцентрировалась на президенте М. Мурси, который стал в этом смысле больше зависеть от других органов власти, особенно от органов безопасности, в решении вопросов внешней политики (Adel El-Adawy. 2013).

С первых же месяцев после прихода к власти сторонников «Братьев-мусульман» пошли сигналы о том, что внешняя политика Египта претерпит радикальные изменения (Adel El-Adawy. 2013). Были восстановлены связи с Исламской Республикой Иран, Каир официально поддержал движение ХАМАС, опираясь на традиционно хорошие отношения ХАМАС и «Братьев-мусульман» (Adel El-Adawy. 2013). Все это дало возможность охарактеризовать внешнюю политику этого периода самими же египетскими экспертами как «импульсивную, внутренне противоречивую и почти непостижимую» (Adel El-Adawy. 2013.).

Внешнеполитическая стратегия Турции существенно изменилась после прихода к власти исламиста Р. Эрдогана. Идеологическим основанием его курса является неоосманизм. В настоящее время эта идеология трансформировалась в геополитическую парадигму. В исторической перспективе основная идея заключалась в объединении всех этнических общностей, независимо от их этнического происхождения или религиозной принадлежности, ради сохранения Османского государства в качестве предварительного условия для процветания. Хотя неоосманизм отождествляется с империей, корни ее исламистской составляющей восходят к титулу халифа, который носил султан Османской империи, и, соответственно, к панисламизму.

Как доктрина, панисламизм возник в 1870-х и 1880-х годах и представлял собой одну из попыток предотвращения распада Османской империи. Панисламизм придерживается концепции обеспечения солидарности народов мусульманских стран и их интеграции в единую и мощную исламскую империю. В соответствии с этой концепцией империя должна охватывать мусульман (в том числе нетурецкого происхождения) из стран Ближнего Востока, Северной Африки, Афганистана, России, Кавказа, Ирана и Египта, а также других стран. Концепция панисламизма так и не была реализована и оставалась в рамках мечты об

объединении мусульман, которая не осуществилась (Hristov I. Neo-Ottomanism - Emergence, Ideology and Political Doctrine).

Наконец, группу государств, в которых существуют светские политические системы с законодательным запрещением участия религиозных партий или движений в политических процессах, составляют постсоветские республики Центральной Азии и Азербайджан.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В этих странах, включая Узбекистан, характер политической системы формально исключает возможность непосредственного влияния религиозных организаций на внутреннюю или внешнюю политику, однако на практике просто видоизменяют политическое участие, делегитимизируя его. В этой связи любые проявления открытого вмешательства в политические процессы рассматриваются руководством этих государств как угроза национальной безопасности.

В силу определенного исторического наследия, сформировавшихся политических систем, процесс секьюритизации в отношении исламизма происходит естественным образом. Согласно концепции секьюритизациии, национальная безопасность определяется через то, каким образом та или иная угроза может быть интерпретирована и принята обществом в качестве таковой. Вне зависимости от того, насколько реальна угроза безопасности, она становится угрозой, только если элита воспринимает ее в качестве угрозы и публично доводит это до общества, которое, в свою очередь, также должно принять ее. Подобная секьюритизация является речевым актом, включающим заявление об экзистенциальной угрозе, требующей принятия экстраординарных мер [Buzan B. 1983: 106]. Примером этому в мусульманских государствах постсоветского пространства могут служить любые формы исламизма, который в подобной ситуации, исключающей всякую возможность легитимного политического участия, часто приобретает радикальные формы.

В целом, для каждой из этих групп государств исламский фактор проявляется по-разному, однако объединяет их то, что он в большей или меньшей степени оказывает существенное влияние на внешнеполитический процесс, выступая отличительной особенностью внешней политики мусульманских государств.

Исламский фактор проявляется как в процессе принятия внешнеполитических решений, так и в процессе их реализации. Ислам выступает в качестве важнейшего компонента «мягкой силы».

Концепция «мягкой силы» была разработана Дж. Наем в 1990 году. С тех пор она получила большое академическое внимание, но также, в числе немногих академических теорий, привлекла широкое внимание в средствах массовой информации и даже в политической среде.

Теоретически «мягкая сила» представляет собой неолиберальное видение влияния, которое существенно отличается от реалистического видения власти. Реалисты исторически характеризуют влияние как прямое следствие материальных ресурсов, прежде всего вооруженных сил, экономического потенциала, технологий, территории, населения и т.д., другими словами, традиционной «жесткой силой» (Hans Morgenthau and Kenneth Thompson, 2005 :752).

Основоположник теории Дж. Най определил «мягкую силу» как «способность получать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики, а не принуждения или финансовых ресурсов» (Nye J. 1991:307).

Несмотря на популярность концепции Дж. Ная, мнения о ценности концепции могут расходиться, поскольку здесь может идти речь о природе власти. Концепция Дж. Ная построена на анализе результатов поведения человека, а сама «мягкая сила» представляет собой трудноизмеримый по четким критериям контент.

Ранней версией определения «мягкой силы» Дж.Ная было следующее: «способность получать то, что вы хотите, с помощью привлекательности, чем принуждением или оплатой» (Nye J. 2009: 208), что подразумевало культуру, ценности и дипломатию. Позже Дж.Най расширил свое определение и включил сюда также способность влиять на других с помощью совместной разработки повестки дня, убеждения и выявления положительного влечения с целью получения предпочтительных результатов.

Касательно противопоставления «мягкой» и «жесткой силы» основным критерием может также служить эффективность и полезность таких возможностей. Некоторые ученые утверждают, что «мягкая сила» эффективна, она может иногда усиливать или мешать «жесткой силе», но в любом случае «мягкая сила» напрямую не зависит от «жесткой силы» (Nye J. 2009: 77). Другие считают, что «мягкая сила» была бы более эффективной, если бы включала в себя возможность использования комбинации «мягкой» и «жесткой силы», или «умную силу (Nay Dzh., 2012.). «Мягкая сила»,

формируясь и становясь все более влиятельным в современном глобальном информационном пространстве, выступает в качестве инструмента поддержки власти.

Ислам активно используется государствами в качестве как «мягкой», так и «жесткой силы» традиционной дипломатии. Конфликты между странами Ближнего Востока часто протекают с использованием «жесткой силы». Например, Саудовская Аравия ведет войну в Йемене против хуситов, Турция оккупирует север Сирии.

Но у мусульманских государств есть опыт и потенциал в использовании «мягкой силы», поскольку ислам является для них важной, в некоторых случаях единственной идеологией, которая эффективно сочетается с политикой. После окончания холодной войны идеи исламского социализма пришли в упадок, как и идеология панарабизма. У ислама на наднациональном уровне идеологических «конкурентов» не осталось.

Однако как на внутри государственном, так и на международном уровне мусульманским странам необходимо учитывать, что как только ислам становится темой публичных обсуждений, то, как граждане интерпретируют свою религию, превращается из частного акта веры в вопрос национальной безопасности. Правительства чувствуют себя вынужденными непосредственно участвовать в дискуссиях о природе ислама, иначе они рискуют оставить идеологический вакуум для заполнения своими идеологическими противниками. Другими словами, внутренние разногласия по поводу роли и актуальности ислама в повседневной политике формируют то, как государства используют ислам за рубежом (Peter Mandaville and Shadi Hamid. url 1).

Использование «мягкой силы» ислама стало уже традицией мусульманских стран, особенно ведущих. Так, с 1960-х годов Саудовская Аравия инвестировала средства за рубеж в строительство мечетей, распространение религиозных текстов и стипендий для обучения в своих университетах. Это было обусловлено позицией «хранительницы мусульманских святынь», претензиями на роль лидера в исламском мире, геополитической целью, позволяющей Саудовской Аравии идеологически противопоставлять себя региональным конкурентам, предлагавшим в условиях холодной войны идеи исламского социализма и светского панарабизма, а также отличные от Саудовской Аравии трактовки ислама, как, например, идеи Исламской революции Ирана.

Важную роль играло чувство обязательства королевской семьи и религиозного истеблишмента Саудовской Аравии распространять ислам, что также служило перманентным аргументом в пользу его использования во внешней политике (Peter Mandaville and Shadi Hamid . 2018. url 2).

Идея продвижения именно «своей» версии ислама служит ключевой в анализе исламского фактора во внешней политике мусульманских государств. Однако, сведение исламского фактора к скоординированной внешнеполитической стратегии по продвижению своей версии ислама представляется упрощением.

Так, в Саудовской Аравии государственные органы являются лишь частью из вовлеченных организаций, другая часть – частные или квазигосударственные структуры. Одни из них финансируются саудовской королевской семьей, но независимы от официальных органов государственной власти. Другие тесно связаны с влиятельными религиозными учреждениями, которые могут пользоваться значительной автономией от правительства и саудитов. В некоторых случаях распространение осуществлялось через группы и сети, которые находились вне Саудовской Аравии. Комплекс государственных и частных структур образует систему, в которой изначальная повестка дня трансформируется и становится более размытой (Peter Mandaville and Shadi Hamid. url 2).

Ключевыми компонентами саудовской системы распространения ислама за рубежом являются следующие:

– Министерство ислама, призыва и руководства (Ministry of Islamic Affairs, Da'wa, and Guidance), которое в первую очередь отвечает за управление религиозными делами и служит основным поставщиком ресурсов (финансы, книги, персонал) для международной прозелитистской деятельности, включая строительство мечетей, развитие религиозных школ и организацию лекционных туров. Сотрудники этого министерства выступают в роли «религиозных атташе» в дипломатических представительствах Саудовской Аравии за рубежом, отвечая за контакты с местными мусульманскими общинами и религиозными лидерами.

- Всемирная исламская лига, международная организация, созданная в 1962 г. и финансируемая преимущественно Саудовской Аравией, со штаб-квартирой в г. Мекка, которая выступает за продвижение идей мусульманской солидарности и распространение ислама во всем мире. Несмотря на формально приветствуемое разнообразие

идей и широкое региональное представительство в организации, включающее, например, организацию «Джамаат-и-Ислами» из Южной Азии, для Всемирной исламской лиги характерно доминирование представителей Саудовской Аравии и продвижение ее интересов (The Muslim World League. 2020).

- Всемирная ассамблея мусульманской молодежи, организация, созданная в 1972 г., первоначально с целью подготовки молодых поданных Саудовской Аравии и других мусульманских стран к учебе в немусульманских условиях, в основном в Европе и Северной Америке. Со временем деятельность организации трансформировалась в сотрудничество с исламистскими сетями в Европе и других регионах мира. Всемирная ассамблея мусульманской молодежи более тесно связана с правительством и продвигает в первую очередь ваххабитскую доктрину (World Assembly of Muslim Youth. 2020).

- Исламский университет Медины (IUM), основанный в 1961 году с целью обеспечения обучения классическим исламским наукам мусульман со всего мира. Предоставление IUM стипендий для иностранных студентов сделало его привлекательным местом для религиозных исследований; часто рассматривался как прямой канал для экспорта ваххабизма через обучение религиозных деятелей. Однако в настоящее время аспекты обучения отражают более разнообразные культурные условия и теологические представления, представленные студентами со всего мира. (Peter Mandaville and Shadi Hamid. 2018).

Существует также широкий спектр саудовских и финансируемых Саудовской Аравией благотворительных организаций, которые включают элементы прозелитизма в предоставление помощи и оказание социальных услуг по всему миру. Крупнейшими структурами здесь являются филиал Всемирной исламской лиги Международная организация помощи, благосостояния и развития (ранее Международная организация исламской помощи), а также Фонд аль-Харамейн и Аль-Вакф аль-Ислами.

В Иране изложенная в Конституции страны идея экспорта революции за пределы страны, направленная на то, чтобы, в конечном счете, «найти путь образования единой мировой исламской уммы» (Nay Dj., 2012.), подразумевает широкое использование «мягкой силы», или той комбинации «мягкой» и «жесткой силы», которая получила название «умной силы» (Nay Dj.,, 2012.).

Автор концепции «мягкой», «жесткой» и «умной силы» Дж. Най отмечал, что стратегия «умной силы» успешно применяется при недостатке физических ресурсов. В качестве примера он приводил «Катар, крошечный полуостров рядом с Саудовской Аравией, который позволил американским вооруженным силам использовать свою территорию как плацдарм для вторжения в Ирак, и в то же время спонсировал «Аль-Джазиру», самую популярную в регионе телевизионную станцию, относящуюся крайне критически к действиям американцев» (Nay Dj., 2012.).

Иран представляет собой одну из ведущих держав Ближнего Востока, однако его возможности касательно лидерства в исламском мире недостаточны, особенно с учетом того, что шииты оставляют относительное меньшинство мусульман. В этой связи руководство Ирана разработало гораздо более сложные способы продвижения идей революции параллельно с расширением своего геополитического влияния. Геополитические, не религиозные факторы побудили Тегеран заключить союз со светским режимом в Дамаске, однако это не исключает религиозной составляющей из сотрудничества, и в целом Иран рассматривает экспорт исламской революции в самом широком контексте (Iran's Politics and Foreign Policy, 2016.).

Привлекательность Ирана в значительной степени опирается на идеи Исламской революции, несмотря на то, что страна стремилась показать себя в первую очередь защитницей шиитских меньшинств. Ислам используется в качестве причины военного присутствия за рубежом. Например, защита режима Б. Асада в Сирии получала неформальную религиозную легитимизацию как предлог для защиты религиозных святынь и мусульманского населения.

«Мягкая сила» Ирана основана не только на мусульманах-шиитах. Иранскую революцию приветствовали суннитские исламисты, которые в противном случае могли бы с подозрением относиться к шиитскому исламу. Они видели в Иране потенциального союзника против своих «репрессивных» режимов. «Исламская» природа Исламской революции получила приоритет над «сектантством». У «умеренных» суннитских исламистов было больше общего с Ираном в борьбе против Исламского государства Ирака и Леванта после 2014 года, даже если борьбой в Ираке фактически руководили иранские доверенные лица при формальной подотчетности центральному правительству в Багдаде (Peter Mandaville and Shadi Hamid.).

Вариант «умной силы» Ирана подразумевал использование тактики «гибридной войны», которая

использовалась еще в период холодной войны в Ливане, а к настоящему времени применяется Тегераном от Афганистана до Сирии и Йемена. Гибридная война является разновидностью так называемой опосредованной войны (proxywar), или нетрадиционной войны (unconventional warfare).

Термин гибридная война получил широкое распространение как на официальном уровне, так и в аналитических кругах. О значении гибридной войны свидетельствует и то, что ей уделяется большое внимание в рамках военно-политического блока НАТО. Так, указывается, что гибридные войны «включают многоуровневые усилия, направленные на дестабилизацию функционирующего государства и поляризацию его общества. В отличие от обычных военных действий, «центром тяжести» в гибридной войне является целевая группа. Противник пытается влиять на политиков и ключевых лиц, принимающих решения, сочетая кинетические операции с непосредственными мощными усилиями. Агрессор часто прибегает к тайным действиям, чтобы избежать обвинений или возмездия» (Deterring hybrid warfare: a chance for NATO and the EU to work together? – NATO Review, 2014.). Подобный конфликт часто развивается в скрытой форме, поэтому традиционное реагирование может быть запоздалым или неадекватным.

ОБСУЖДЕНИЕ

По мнению американского эксперта Ф. Хоффмана, который называет такие конфликты войнами будущего, важнейшими принципами гибридной войны являются следующие (Frank G. and Hoffman. 2007).

–многосторонняя и многоуровневая направленность (omni-directionality). Для противостояния необходимо, чтобы военные командиры рассматривали потенциальное поле боя без предубеждений традиционной стратегии и тактики. Они должны разрабатывать комплекс планов с комбинационным использованием военных и гражданских ресурсов. Не следует делать различий между тем, что является полем боя, а что нет. Помимо традиционных сфер - земля, море, воздух и космическое пространство – необходимо рассматривать как поле сражения политику, экономику, культуру и моральные ценности;

- синхронность. Предполагается, что военные командиры должны быть готовы проводить разноуровневые сражения на нескольких полях в различных сферах с учетом временного измерения. Вместо традиционного накопления итогов нескольких сражений, стратегические результаты теперь могут быть быстро достигнуты путем одновременного действия в определенное время;

- асимметрия проявляет себя в определенной степени во всех аспектах войны, однако в гибридной войне она выходит за рамки традиционных правил и государственных границ.

Исламский фактор активно используется Ираном в рамках гибридных войн. В ходе арабской весны была разработана и осуществлялась сеть операций по расширению транснационального влияния в странах по всему Ближнему Востоку, но особенно в регионе Персидского залива.

Иран также работает с общественностью, институтами гражданского общества во всем мусульманском мире. В Ираке, например, Тегеран стремится расширить и укрепить связи в ведущих шиитских образовательных центрах Неджафе и Кербеле, поддерживая проиранских священнослужителей, оказывая влияние на вопросы занятия руководящих должностей в религиозных учреждениях Ирака.

Отличительной чертой стратегии Ирана в области «мягкой силы» является ее гибкий характер. Даже кажущаяся жесткой интерпретация основоположника Исламской революции Р. Хомейни шиитского ислама как основы идентичности Ирана в действительности оказывается более сложным и более гибким (Armajani J. 2020: 250).

Культурная дипломатия Ирана опирается на более гибкое и менее классическое шиитское учение, приспосабливаясь к аудитории и опираясь на различные источники религиозной, этнической, языковой и исторической легитимности. Когда в целях охвата соседних стран, таких как Афганистан и Таджикистан было более полезно подчеркнуть этническое, языковое и историческое наследие, Исламская республика акцентировала внимание на этих аспектах. В Индонезии в 2007 году Тегеран создал «Иранский уголок» в филиале Индонезийского национального исламского университета в Джакарте, организовал библиотеку, посвященную историческому вкладу персидского народа в суфизм, доминирующий религиозный тренд в университете и определяющий элемент индонезийской религиозной культуры (Peter Mandaville and Shadi Hamid. url 2). Аналогичным образом, используя религию в суннитских странах, Иран продвигал революционный шиитский ислам.

Иран также пытался использовать исламский фактор посредством «мягкой силы» на глобальном уровне, возможно, наиболее заметно через инициативу «Диалог между цивилизациями» в Организации Объединенных Наций.

Основная деятельность по продвижению идей Исламской революции посредством «мягкой силы» возложена на Международную организацию исламской культуры и отношений (ICRO), которая выполняет организационные и координационные функции, формально относясь к посольствам Ирана, но подчиняясь непосредственно руководителю страны (Islamic Culture and Relations Organization. 2020).

Официальные цели ICRO заключаются в следующем:

-возрождение и распространение исламских принципов и идей с целью доведения истинного послания ислама людям всего мира;

- повышение осведомленности людей всего мира о принципах и целях Исламской революции в Иране ее роли в мире;

-расширение культурных связей с различными народами и сообществами в целом, мусульманами и «угнетенными», в частности;

-укрепление и регулирование существующих культурных связей между Исламской Республикой Иран и другими странами мира, а также глобальными культурными организациями;

-доведение представления об иранской культуре и цивилизации, а также ее культурных, географических и исторических характеристиках;

- подготовка «необходимой основы» единства среди мусульман и создания единого фронта среди мусульман мира «на основе неоспоримых принципов ислама»;

- научные дискуссии и противодействие «антирелигиозной, антиисламской и антиреволюционной культурам» с целью «пробудить» мусульман всего мира относительно «заговоров врагов», а также защиты прав мусульман;

- улучшение культурных, политических, экономических и социальных условий жизни мусульман (Aims of Islamic Culture and Relations Organization, 2020).

Помимо этого, существуют также ряд иранских культурных фондов, с помощью которых Тегеран создает Исламские университеты и семинарии в разных странах или предоставляет стипендии для иностранных студентов в целях прохождения учебы в Иране. Некоторые из этих фондов не ограничиваются общинами шиитов, но также охватывают суннитов, используя условия, при которых такая помощь может быть воспринята, например, помощь сектору Газа от имени Фонда имама Хомейни.

В Таджикистане, используя лингвистическую и культурную общность, Иран выступает в качестве актора, эффективно противодействующего суннитским фондам, в том числе из Саудовской Аравии.

«Мягкая сила» Ирана делает акцент на «культуре сопротивления», то есть позиционировании себя как центра противодействия американскому влиянию на Ближнем Востоке и налаживании партнерских отношений между Ираном и другими государствами, государственными и негосударственными структурами, во многих случаях с антиамериканской ориентацией, в том числе Россией, «Хизбулла» и др.(Peter Mandaville and Shadi Hamid. url 2).

События 11 сентября 2001 года и затем, спустя 10 лет, события арабской весны и позднее появление Исламского государства повысили актуальность дебатов в мусульманских странах о роли ислама и его интерпретациях. Различные режимы мусульманских государств подверглись критике со стороны экстремистских групп, которые ставили под сомнение их легитимность, в то время как в других случаях оппозиционные исламистские движения настаивали на реформах таким образом, что бросали вызов существующим режимам не только в традиционном смысле власти, но также с точки зрения религиозной законности. Любые претензии подобного плана воспринимаются правительствами как экзистенциальная угроза.

В связи с резко обострившимся идеологическим противостоянием после 2011 года правительства мусульманских государств настойчиво пытаются установить контроль над религиозными институтами и продвигать то, что можно назвать «государственным исламом» - версией религии, которая, прежде всего, подчиняется интересам государства.

После арабской весны «мягкая сила» ислама стала все более важной частью новой геополитики, и в еще большей степени, чем в прошлом, мусульманские страны пытаются формировать религиозный дискурс и контролировать религиозные знания, чтобы преследовать свои собственные национальные интересы. Все более существенным становится позиционирование государствами себя в качестве исповедующих «умеренную» версию ислама (Peter Mandaville and Shadi Hamid. url 1).

Так, в Марокко «мягкая сила» ислама укрепляет легитимность режима, укрепляя религиозные корни монархии, и поднимает престиж страны в исламском мире в качестве важного голоса религиозной «умеренности». В Марокко конституционно закреплена роль короля как «Амира аль-Муминина», объединяющего политическую и духовную власть. В этой связи ставить под сомнение роль короля со

стороны любой политической силы равносильно ереси (Peter Mandaville and Shadi Hamid. url 1).

В ОАЭ после арабской весны большое внимание уделяется принципу толерантности. Так, было создано специальное Министерство толерантности, в 2016 году была запущена Национальная программа толерантности, в 2017 году был основан Международный институт толерантности. Как одно из проявлений «мягкой силы», в Дубае ежегодно проводится конференция, посвященная толерантности. На первом мероприятии в 2018 году приняли участие делегаты из 105 стран. Кроме того, Абу-Даби установил особые отношения с папой Франциском и великим имамом университета Аль-Азхар в Египте, доктором Ахмад аль-Тайебом. Эти меры должны заявить об ОАЭ как о «глобальном маяке цивилизованного поведения» (Kourgiotis P. 2019.).

Катар также разработал особый подход к поддержке и продвижению ислама за рубежом. Катар позиционирует себя как покровитель исламизма в духе «Братьев-мусульман», предоставляя, вопреки мнению Саудовской Аравии и ОАЭ, убежище для диссидентов и размещая материалы в поддержку «Братьев-мусульман» в широком спектре контролируемых им средств массовой информации (Peter Mandaville and Shadi Hamid. url 2).

Новой тенденцией современного использования ислама во внешней политике становится то, что различные «умеренные» версии исламизма становятся все более многочисленными и вступают в противоречие друг с другом, передавая импульсы региональным политическим процессам. В частности, до событий2011 года Саудовская Аравия поддерживала и предоставляла убежище и рабочие места членам «Братьев-мусульман», и даже содействовала их продвижению на руководящие должности в международных религиозных организациях, таких как Всемирная исламская лига и Всемирная ассамблея мусульманской молодежи. Однако после того, как «Братья-мусульмане», поддерживаемые Турцией и Катаром, пришли к власти в Египте и Тунисе в 2011 году, Саудовская Аравияи ее союзники из числа монархий Персидского залива стали рассматривать это движение как геополитическую угрозу. После 2013 года, отстранения «Братьев-мусульман» от власти в Египте, Каир присоединился к Эр-Рияду и его союзникам в осуждении и преследовании «Братьев-мусульман».

В Египте президент Абдель Фаттах ас-Сиси, сменивший сторонника «Братьев-мусульман» М.Мурси, призвал Университет Аль-Азхар обновить и модернизировать свой подход к изучению и преподаванию ислама в рамках более широкой «религиозной революции», которая может противостоять как оппозиционному исламу «Братьев-мусульман», так и насильственному, экстремистскому исламу Исламского государства и Аль-Каиды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Исламский фактор является основной отличительной особенностью внешнеполитического курса мусульманских государств. Его влияние проявляется по-разному, в зависимости от исторического наследия и особенностей политической системы страны, однако объединяет все мусульманские государства то, что ислам в большей или меньшей степени оказывает в целом значительное влияние на внешнеполитический процесс.

Идея продвижения именно «своей» версии ислама служит ключевой в анализе исламского фактора во внешней политике мусульманских государств. После арабской весны «мягкая сила» ислама стала все более важной частью новой геополитики, и в еще большей степени, чем в прошлом, мусульманские страны пытаются формировать и продвигать свой образ «умеренной» версии ислама и придерживаться его в своей внешней политике.

Однако, сведение исламского фактора к скоординированной государством внешнеполитической стратегии по продвижению собственной версии ислама представляется упрощением.

Частью образа ислама в региональной и мировой политике является образ религиозной идеологии, продвигаемой негосударственными субъектами – от «Братьев-мусульман» до Исламского государства, - которые хотят видеть более «исламскую» форму политического устройства. Различные режимы мусульманских государств подвергаются критике со стороны исламистских групп, которые ставят под сомнение их легитимность, бросая вызов существующим режимам не только в традиционном смысле власти, но также с точки зрения религиозной законности. Любые претензии подобного плана воспринимаются правительствами как экзистенциальная угроза, так же как и любые альтернативные трактовки ислама, продвигаемые на региональном или международном уровне другими государствами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Adel El-Adawy. (2013) Egypt's Evolving Foreign Policy.The Washington Institute. 17.10.2013https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/egypts-evolving-foreign-policy
2. Aims of Islamic Culture and Relations Organization, Official site. 2020. --https://en.icro.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=257&pageid=9641
3. Armajani J. (2020) Shia Islam and Politics. NY-L: Rowman and Littlefield, 2020. 252 p.
4. Bassiouni Ch. (2020) Islamic Civilization. Middle East Institute. 30.04.2020. https://www.mei.edu/publications/islamic-civilization
5. Buzan B. (1983) People, States, and Fear. – Brighton: Wheatsheaf, 1983., - P. 106
6. Charter of the Organization of Islamic Cooperation. Official site of Organization of Islamic Cooperation, 30.04.2020.https://www.oic-oci.org/upload/documents/charter/en/oic_charter_2018_en.pdf
7. Deterring hybrid warfare: a chance for NATO and the EU to work together? - NATOReview, 2014. - https://www.nato.int/docu/review/2014/Also-in-2014/Deterring-hybrid-warfare/EN/index.htm
8. Frank G. Hoffman. (2007) Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Potomac Institute for Policy Studies, Arlington, Virginia.December 2007. http://www.projectwhitehorse.com/pdfs/HybridWar_0108.pdf
9. Hans Morgenthau and Kenneth Thompson. (2005) Politics Among Nations, 6th edition, New York: McGraw-Hill, 2005.752 p.
10. Hristov I. Neo-Ottomanism - Emergence, Ideologyan dPoliticalDoctrine.- https://cyberleninka.ru/article/n/neo-ottomanism-emergence-ideology-and-political-doctrine/viewer
11. Iran's Politics and Foreign Policy, Chatham House, 2016. - https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/events/2016-03-13-irans-politics-foreign-policy-workshop-summary.pdf
12. Islamic Culture and Relations Organization, Official site. 2020. --https://en.icro.ir
13. Islamic World. Encyclopedia Britannica, 30.04.2020 https://www.britannica.com/topic/Islamic-world
14. Конституция Исламской Республики Иран. Конституции мира. 2020. https://worldconstitutions.ru/?p=83 (In Russ.)
15. Kourgiotis P. (2019) 'Moderate Islam' Made in the United Arab Emirates: Public Diplomacy and the Politics of Containment. MDPI. 2019. https://www.mdpi.com/2077-1444/11/1/43/htm
16. Muslim Majority Countries 2020.World Population Review, 07.04.2020. https://worldpopulationreview.com/countries/muslim-majority-countries/
17. Наумкин В., Кузнецов А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе. Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки . 2013.https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-mir-i-islamskie-organizatsii-v-sovremennoy-miropoliticheskoy-sisteme-1 (In Russ.)
18. Най Дж. (2012) Умная сила: эссе. Политическая наука, 2012. - https://cyberleninka.ru/article/n/umnaya-sila-esse (In Russ.)
19. Nye J. (1991) Bound to Lead: The Changing Nature of American Power– Basic Books, 1991. – 307 p. P. 42
20. Nye J. (2009) Soft Power: The Means to Success in World Politics – Public Affairs, 2009. – 208 p. – P. 73
21. Peter Mandaville and Shadi Hamid. Islam as Statecraft: How Governments use Religion in Foreign Policy, Brookings Institution. 2018 https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/11/FP_20181116_islam_as_statecraft.pdf
22. Peter Mandaville and Shadi Hamid. The Rise of Islamic Soft Power, Foreign Affairs. 2018 https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2018-12-07/rise-islamic-soft-power
23. Сюкияйнен Л. Ислам и перспективы развития мусульманского мира. Высшая школа экономики, Россия. 20.09.2006. https://www.hse.ru/news/1163603/1136241.html
24. The emergent Islamic civilization. Encyclopedia Britannica, 30.04.2020. https://www.britannica.com/topic/Islamic-world/The-emergent-Islamic-civilization; Expansion of Islamic Civilization. Harvard Divinity School, 30.04.2020.https://rlp.hds.harvard.edu/religions/islam/expansion-islamic-civilization
25. The Muslim World League. Official site. 30.04.2020. - https://themwl.org/en World Assembly of Muslim Youth. Official site. 30.04.2020. - https://wamy.co.uk
26. Yovkochev, Sh. (2012). ROLE OF TRADITIONS IN THE RELIGIOUS EDUCATION IN UZBEKISTAN. Himalayan and Central Asian Studies, 16(3/4), 24.
27. Yovkoshev, Sh. (2018). Islam in Uzbekistan: the history and modernity. The Light of Islam, 2018 (1), 2.
28. Yovkochev, Sh. (2020). The influence of a religious factor on the political system of Egypt before "Arab spring". The Light of Islam, 2020(2), 4-12.

REFERENCES

1. Adel El-Adawy. (2013) Egypt's Evolving Foreign Policy.The Washington Institute. 17.10.2013https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/egypts-evolving-foreign-policy
2. Aims of Islamic Culture and Relations Organization, Official site. 2020. --https://en.icro.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=257&pageid=9641
3. Armajani J. (2020) Shia Islam and Politics. NY-L: Rowman and Littlefield, 2020. 252 p.
4. Bassiouni Ch. (2020) Islamic Civilization. Middle East Institute. 30.04.2020. https://www.mei.edu/publications/islamic-civilization
5. Buzan B. (1983) People, States, and Fear. – Brighton: Wheatsheaf, 1983., - P. 106
6. Charter of the Organization of Islamic Cooperation. Official site of Organization of Islamic Cooperation,

30.04.2020.https://www.oic-oci.org/upload/documents/charter/en/oic_charter_2018_en.pdf
7. Deterring hybrid warfare: a chance for NATO and the EU to work together? - NATOReview, 2014. - https://www.nato.int/docu/review/2014/Also-in-2014/Deterring-hybrid-warfare/EN/index.htm
8. Frank G. Hoffman. (2007) Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Potomac Institute for Policy Studies, Arlington, Virginia.December 2007. http://www.projectwhitehorse.com/pdfs/HybridWar_0108.pdf
9. Hans Morgenthau and Kenneth Thompson. (2005) Politics Among Nations, 6th edition, New York: McGraw-Hill, 2005.752 p.
10. Hristov I. Neo-Ottomanism - Emergence, Ideologyan dPoliticalDoctrine.- https://cyberleninka.ru/article/n/neo-ottomanism-emergence-ideology-and-political-doctrine/viewer
11. Iran's Politics and Foreign Policy, Chatham House, 2016. - https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/events/2016-03-13-irans-politics-foreign-policy-workshop-summary.pdf
12. Islamic Culture and Relations Organization, Official site. 2020. --https://en.icro.ir
13. Islamic World. Encyclopedia Britannica, 30.04.2020 https://www.britannica.com/topic/Islamic-world
14. Konstituciya Islamskoy Respubliki Iran. Konstitucii mira. 2020. https://worldconstitutions.ru/?p=83 (In Russ.)
15. Kourgiotis P. (2019) 'Moderate Islam' Made in the United Arab Emirates: Public Diplomacy and the Politics of Containment. MDPI. 2019. https://www.mdpi.com/2077-1444/11/1/43/htm
16. Muslim Majority Countries 2020.World Population Review, 07.04.2020. https://worldpopulationreview.com/countries/muslim-majority-countries/
17. Naumkin V., Kuznecov A. (2013) Islamskiy mir i islamskie organizacii v sovremennoy miropoliticheskoy sisteme. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2013.https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-mir-i-islamskie-organizatsii-v-sovremennoy-miropoliticheskoy-sisteme-1 (In Russ.)
18. Nay Dzh. (2012) Umnaya sila: esse. Politicheskaya nauka, 2012. - https://cyberleninka.ru/article/n/umnaya-sila-esse (In Russ.)
19. Nye J. (1991) Bound to Lead: The Changing Nature of American Power– Basic Books, 1991. – 307 p. P. 42
20. Nye J. (2009) Soft Power: The Means to Success in World Politics – Public Affairs, 2009. – 208 p. – P. 73
21. Peter Mandaville and Shadi Hamid. Islam as Statecraft: How Governments use Religion in Foreign Policy, Brookings Institution. 2018 https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/11/FP_20181116_islam_as_statecraft.pdf
22. Peter Mandaville and Shadi Hamid. The Rise of Islamic Soft Power, Foreign Affairs. 2018 https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2018-12-07/rise-islamic-soft-power
23. Syukiyaynen L. Islam i perspektivy razvitiya musul'manskogo mira. Bysshaya shkola ekonomiki, Rossiya. 20.09.2006. https://www.hse.ru/news/1163603/1136241.html (In Russ.)
24. The emergent Islamic civilization. Encyclopedia Britannica, 30.04.2020. https://www.britannica.com/topic/Islamic-world/The-emergent-Islamic-civilization; Expansion of Islamic Civilization. Harvard Divinity School, 30.04.2020.https://rlp.hds.harvard.edu/religions/islam/expansion-islamic-civilization
25. The Muslim World League. Official site. 30.04.2020. - https://themwl.org/en World Assembly of Muslim Youth. Official site. 30.04.2020. - https://wamy.co.uk
26. Yovkochev, Sh. (2012). ROLE OF TRADITIONS IN THE RELIGIOUS EDUCATION IN UZBEKISTAN. Himalayan and Central Asian Studies, 16(3/4), 24.
27. Yovkoshev, Sh. (2018). Islam in Uzbekistan: the history and modernity. The Light of Islam, 2018 (1), 2.
28. Yovkochev, Sh. (2020). The influence of a religious factor on the political system of Egypt before "Arab spring". The Light of Islam, 2020(2), 4-12.